

Известия Южного федерального университета.
Филологические науки. 2021. Том 25, № 1
ЧЕХОВСКИЕ СТРАНИЦЫ

УДК 821.161.1-32(Щепкина-Куперник Т. Л.)
ББК Ш33(2Рос=Рус)6-8,444
DOI 10.18522/1995-0640-2021-1-10-18

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПОЛЕМИКА С А.П.ЧЕХОВЫМ В РАССКАЗЕ Т.Л. ЩЕПКИНОЙ-КУПЕРНИК «ОДИНОЧЕСТВО»

А.В. Кубасов

Уральский государственный педагогический университет,
г. Екатеринбург, Россия

Аннотация. Чехов изначально выступает в качестве полемиста с современной ему литературой. Выражается эта полемика не столько в прямых высказываниях писателя в письмах или в беседах, сколько в художественной форме. Однако и с самим Чеховым тоже полемизировали. Одним из таких авторов-полемистов была Т. Л. Щепкина-Куперник, автор рассказа «Одиночество» (1894). Материалом для полемики молодой писательницы послужили «Попрыгунья», «Скучная история» и «Палата № 6». Щепкина-Куперник, как и другие читатели, признает в «Попрыгунье» элемент пасквиля, искажения действительности. Она создает художественную картину мира, которая кажется ей более реалистичной, чем чеховская. Ее претензии к автору «Палаты № 6» демонстрируют непонимание новаторского характера Чехова.

Ключевые слова: *художественная полемика, русские писательницы, русские писатели, литературное творчество, рассказы, художественная картина мира.*

Введение

Полемика как компонент литературно-критического текста в отечественной науке XX века достаточно убедительно рассматривается в работах [Егоров, 2019; Есин, 2019; Кормилов, 1996] и ряде других. Можно утверждать, что полемика является одним из атрибутов критического дискурса. Если говорить о полемике критиков с Чеховым, то следует назвать таких его оппонентов, как Н. К. Михайловский, А. М. Скабичевский, П. П. Перцов, не принимавших разные аспекты творчества своего современника. Гораздо меньше уделяется внимания художественной полемике, которая носит латентный характер. Роль полемиста в таком случае переходит от критика или литературоведа к писателю, художнику.

Историю исследования художественной полемики можно начать с пионерской работы А. Л. Бема, написанной в 1929 году [Бем, 2007]. По мнению ученого, полемика Достоевского с Толстым по проблеме взросления ребенка отразилась в «Подростке». Не забудем и о трудах В. В. Виноградова, Ю. Н. Тынянова, Б. М. Эйхенбаума.

Методология исследования художественной полемики до сих пор остается недостаточно отрефлексированной. Объясняется это обилием различных вариантов и форм полемической художественной практики, препятствующей разработке какого-то относительно универсального подхода. Ясно одно: точкой опоры во всех случаях должна служить теория и практика компаративного анализа. Маркерами художественной полемики являются преимущественно интертекстуальные вкрапления, которые позволяют идентифицировать адресат полемики. Именно такой случай представлен в анализируемом нами рассказе.

Рассказы А. П. Чехова как объекты художественной полемики в рассказе Т.Л. Щепкиной-Куперник

«Попрыгунья» (1892) принесла Чехову не только литературный успех, но и немало неприятных минут: современники писателя увидели в героях рассказа своих знакомых, и «*вся Москва*», по словам писателя, обвинила его в «*насквиле*» [Чехов, П. V, с. 58; далее ссылки на произведения А.П. Чехова даны в круглых скобках по изданию: *Чехов А.П.* Полн. собр. сочинений и писем: в 30 т. М.: Наука, 1974–1983., С – сочинения, П – письма, римскими цифрами – том, арабскими – страницы]. Одним из оппонентов Чехова была Татьяна Львовна Щепкина-Куперник (1874–1952), в будущем известная переводчица классиков зарубежной литературы. Через два года после выхода в свет «Попрыгуньи» 20-летняя начинающая писательница публикует в журнале «Русская мысль» рассказ «Одиночество» [Щепкина-Куперник, 1894], в котором художественными средствами пытается спорить со своим кумиром.

Сохранился отзыв Чехова о рассказе Татьяны Львовны: «...я прочел Ваше "Одиночество" и простил Вам все Ваши прегрешения. Рассказ положительно хорош, и, нет сомнения, Вы умны и бесконечно хитры. Меня больше всего тронула художественность рассказа» (П. V, с. 348). Оценка Чеховым рассказа молодой коллеги явно неоднозначна. За словами о «бесконечной хитрости» чувствуется прозрачный намек на то, что Чехов раскусил эту хитрость, уловил полемический характер «Одиночества».

С чем же спорила писательница? Ответ на этот вопрос важен не только для установления межличностных и творческих связей Чехова с одним из его адресатов. Не менее важно и то, что проявление скрытой художественной полемики помогает лучше понять особенности творческого метода Чехова.

В центре рассказа Щепкиной-Куперник находится образ молодой художницы Зои. Увлечение живописью сближает ее с Ольгой Ивановной, героиней «Попрыгуньи». Похожи их уклады, стремление быть в центре художественной жизни, тяга к богеме. Вот какой предстает повседневная жизнь Зои: «*Сегодня – в театр, на первое представление пьесы знакомого драматурга; завтра – в другой театр, на бенефис знаковой певицы; послезавтра – на выставку, где картина знакомого художника, а там гастроли французского трагика, а там обед в честь известного профессора, а там ужин в "Эрмитаже" с милою компанией <...>*

Весь этот хаос, весь этот шум, наконец, начали сводить Зою с ума, и она ловила себя на том, что всё и все кажутся ей ненужными и лишними» [Щепкина-Куперник, 1894, с. 172–173]. Легко заметить, что юная писательница на свой лад «переписывает» начало рассказа Чехова. Героиня «Одиночества» тоже «попрыгунья», но ее хаотичная жизнь оценивается положительно, как естественное следование духу времени.

Зоя, в отличие от чеховской Ольги Ивановны, является доверенным лицом автора, его пресловутым «рупором идей». Героиню рассказа Чехова Щепкина-Куперник восприняла как клевету на современную женщину, каковой она считала не только С. П. Кувшинникову, признававшуюся современниками прототипом заглавной героини «Попрыгуньи», но, очевидно, и саму себя. В поздних мемуарах Татьяны Львовны есть фрагмент, содержательно сходный с текстом ее рассказа: *«Рефераты и лекции, разрешенные и запрещенные, сменялись концертами, выставками, бенефисами любимых артистов: все вертелось вокруг искусства. Я была настоящее дитя города, притом без семьи, жившее в вечном калейдоскопе новых лиц и впечатлений, работы, дела, волнений, развлечений»* [Щепкина-Куперник, 1959, с. 338 – 339].

В рассказе Чехова жизненный уклад «попрыгуньи» передан через типовой день, который сопоставляется с таким же днем Дымова. В итоге эти художественные инварианты «одного дня» вырастают до символов, за которыми встают разные системы ценности, а в итоге – разные судьбы. Внешне следуя за Чеховым, автор «Одиночества» показывает жизненный круговорот Зои лишь затем, чтобы мотивировать неожиданно возникшее у героини недовольство собой и окружающими ее людьми. Зоя чувствует себя одинокой, разочаровавшейся во всем. Ей все больше не хватает «общей идеи», говоря словами героя-рассказчика «Скучной истории» (1889). Зоя не знает, где именно искать эту «общую идею». В противовес чеховскому Николаю Степановичу, Щепкина-Куперник создает свой образ профессора-резонера, который убежден в спасительности таких догм, как «трудись», «раздай свое имущество бедным», «познай самого себя». Поучает он и Зою, жуя ее за то, что в ее картинах нет «идеи», и советуя ей *«учиться и работать»* [Щепкина-Куперник, 1894, с. 175]. Зоя отчасти соглашается с профессором, но объясняет отсутствие идей в своих картинах трудным временем, а также острой нехваткой «настоящих мужчин». По ее словам, наступил такой период, когда *«у всех на уме рубль, рубль, рубль, а потом та-ра-ра-бумбия, капелла Энгеля и адюльтер»* [Там же, с. 176]. Мужчины же виноваты еще и в том, что не ведут женщин за собой, «не зажигают» их своими идеями. *«Я еще ребенок умом! – говорит героиня. – Не требуйте, а научите! Вы куда-то зовете, – скажите куда? Велите делать дело, проводить идеи, – объясните, какое дело, какие идеи? Будьте руководителями»* [Там же, с. 177].

В глазах Зои и автора «Одиночества» такие мужчины, как Дымов из «Попрыгуньи», явно не выглядели ни героями, ни тем более «руководителями». Чехов явно считал, что сентенции о высокой миссии мужчин, которые запальчиво изрекает Зоя, беспочвенны, напыщенны,

фальшивы. Начало таким представлениям о «настоящих мужчинах» и назначении женщины, по мнению автора «Попрыгуньи», было положено Тургеневым в его романах. Один из героев «Рассказа неизвестного человека» (1893) саркастически замечает: *«Тургенев в своих произведениях учит, чтобы всякая возвышенная, честно мыслящая девица уходила с любимым мужчиной на край света и служила бы его идее. <...> Да, душа моя, Тургенев писал, а я вот теперь за него кашу расхлебывай»* (С, VIII, с. 156 – 157). Если не знать года публикации «Рассказа неизвестного человека», то приведенные слова в его тексте можно было бы расценить как ответную художественную полемику с Щепкиной-Куперник. Однако в данном случае дело обстоит иначе. Чехов не просто упреждает автора «Одиночества», он видит стереотипность мышления писателей и писательниц, которые изображают «возвышенных, честно мыслящих девиц» абсолютно серьезно, тогда как над ними можно лишь иронизировать. Заметим, что Чехов не только в «Рассказе неизвестного человека» в художественной форме полемизировал с Тургеневым [Кубасов, 2018].

«Бесконечная хитрость» Щепкиной-Куперник, которую отметил Чехов, проявилась не только в самом факте ее художественной полемики с создателем образа «попрыгуньи», но и в том, какими средствами велась эта полемика. Для большей убедительности Татьяна Львовна своеобразно раздвоила образ Ольги Ивановны, разделив некоторые ее черты между «положительной» Зоей и «отрицательной» Инной Павловной, хозяйкой салона, устраивающей журфиксы и опекающей людей искусства. Именно с образом Инны Павловны Чехов связывал С.П. Кувшинникову. В уже цитированном письме по поводу «Одиночества» он замечал: *«Однако Вы не удержались и на странице 180 описали Софью Петровну»* (П. V, с. 348). На указанной странице дано описание Инны Павловны. Много позже в своих мемуарах Щепкина-Куперник признается в том, что С. П. Кувшинникова выведена ею в другом рассказе – «Старшие» [Щепкина-Куперник, 1954, с. 359]. В этом признании для нас важно само свидетельство писательницы о ее трафаретном подходе к проблеме прототипа, неприложимом к творчеству Чехова.

Щепкина-Куперник вступает в полемику с Чеховым, имея в виду не одно его произведение, а целый набор их. Приведем один из фрагментов рассказа, который построен на контрастных параллелях с образами известной повести Чехова. После ряда бурных событий и неистовой работы над картиной с «идеей» силы Зои истощаются, следует череда обмороков и истерик, и героиня оказывается в больнице: *«В большой палате № 9 было светло и чисто. <...> В их палате сгруппировали больных не особенно опасных, все молодых женщин и, к удивлению, симпатичных, так что вместо той убийственной атмосферы, которой Зоя ждала от больницы по рассказам и прочитанным книгам, она нашла много пищи для наблюдения...»* [Щепкина-Куперник, 1894, с. 191 – 192]¹ В данном фрагменте явно скрыт намек на «Палату № 6». В перевернутом виде предстает не только номер палаты, но и другие реалии из чеховского произведения. Вместо неряшливых душевнобольных – симпатичные

женщины, вместо атмосферы «зверинца» – чистота и порядок, вместо грубого и жестокого сторожа Никиты – «нянька, дремлющая над чулком» [Там же, с. 192]. Если для М. О. Меньшикова «Палата № 6» – горькая драма, «*заслуживающая глубокого, внимательного изучения*» [Меньшиков, 2005, с. 259], то для автора «Одиночества» – нечто вроде того же «пасквиля» на действительность, что и «Попрыгунья».

В больнице Зоя подружилась с Наташей, по профессии швеей. Общение с ней подталкивает Зою к простому и ясному выводу: «*Она была эгоисткой и хотела, чтоб жили для нее: прежде она должна была научиться жить для других*» [Щепкина-Куперник, 1894, с. 199]. Если «в чеховской иерархии мировоззрений любой путь предпочтительнее определенности и ясности» [Сёмкин, 2020, с. 48] и знаменует лишь начало нового этапа в познании героем жизни, на новом уровне его сознания, то прозрение Зои окончательно и абсолютно. Легко найденная «общая идея» замыкает героиню в узкие рамки, не предполагает ее последующей эволюции. И потому вскоре после открытия героиней смысла жизни следует идиллический финал. Зоя и Наташа живут вместе: «*Чуткая девушка бережет Зою и охраняет ее от мелочей и дрязг житейских*» [Щепкина-Куперник, 1894, с. 203]. В свою очередь «*Зоя учится у этой простой души великому и простому правилу: для того, чтобы быть счастливой, надо не себе требовать счастья, а самой давать его другим*» [Там же]. Как следствие, меняется содержание творчества Зои: вместо легкомысленных красавиц, пейзажей и «белокурых головок» она теперь рисует «труждающихся и обремененных». Это ее «маленькое дело». Заканчивается рассказ так: «*Будет ли она счастлива? Кто знает! Но она больше не боится одиночества. Она поняла, что от одиночества могут спасти труд и любовь, великая, бескорыстная любовь ничтожных мира сего*» [Там же, с. 204]. Первые две фразы в этом фрагменте отчасти созвучны открытым финалам чеховских произведений, но и они «подправлены» узкой моралью, проповедью «малых дел».

Как видим, рассказ Щепкиной-Куперник с произведениями Чехова связывает своеобразная диалектика ученического подражания и скрытой полемичности. Одна из главных причин спора создательницы образа Зои с автором «Попрыгуньи» – совершенно не понятая ею проблема прототипичности и модус употребления слова в прозе писателя. У Щепкиной-Куперник доминирует слово, прямо направленное на предмет, лишённое иронического обертона. У Чехова же преобладает установка на использование преломленного слова, скрыто или явно иронического. Приведем один пример. «Попрыгунья» Ольга Ивановна описывает Рябовского как «*очень красивого белокурого молодого человека*» (С. VIII, с. 7). За этой характеристикой, только кажущейся прямооценочной, скрыт спор автора с героиней. В ранней пародии «Что чаще всего встречается в романах, повестях и т.п.» (1880) один из ответов на этот вопрос-заглавие звучит так: «*Белокурые друзья и рыжие враги*» (С. I, с. 17). То есть оценка Рябовского Ольгой Ивановной – всего лишь повторение ею литературного штампа и косвенно отражает стереотипность ее миро-

восприятия. Повествование в прозе Чехова диалогически ориентировано на чужую речь, на переакцентирование тех деталей, образов, принципов организации материала, которые к 90-м гг. XIX в. стали шаблонами, стремительно размножаясь беллетристами средней руки. Слово в прозе Чехова – слово с преимущественной установкой на пародийную стилизацию.

Совсем иной подход к слову у Щепкиной-Куперник. У нее оно принципиально одномерно, однозначно, и лишено оговорочности. Весь ее рассказ переполнен рутинными приемами, эпигонски-романтическими образами. Сущность стиля ранних произведений Щепкиной-Куперник Чехов блестяще спародировал в короткой записке, адресованной ей и актрисе Л. Б. Яворской: *«Наконец, волны выбросили безумца на берег..... и протирал руки к двум белым чайкам»* (П. V, с. 328).

Заключение

Художественная полемика может быть признана одним из смысловых центров литературной практики Чехова. Н. Я. Берковский в свое время точно заметил, что он «как бы снова пишет, вторым слоем, по текстам Льва Толстого да и по многим другим текстам» [Берковский, 1969, с. 67]. Если художественная полемика Щепкиной-Куперник с Чеховым вела ее к упрощению проблем, то Чехов, напротив, вступая в полемику, например, с «Крейцеровой сонатой» Толстого, «рассматривает, в каком смысле, до какой степени, насколько полно толстовские “простые” ответы соотносены с реальной сложностью жизни» [Катаев, 2017, с. 38]. Аналогичная оценка может быть приложена и к художественной полемике Чехова с современными ему зарубежными авторами, например, с Генриком Ибсеном [Кубасов, 2019].

Таким образом, суть расхождений Чехова со Щепкиной-Куперник, как и с другими писателями из «артели» 80 – 90-х гг., заключается в глубине постижения ими жизни. Там, где писатели-бытовики видели конфликт между интеллигенцией и «труждающимися и обремененными», между «честно мыслящими девицами» и мужчинами, не способными на роль «руководителей», – там Чехов видит конфликт между человеком и господствующим укладом жизни, который враждебен ему. Оппоненты Чехова, прямо или косвенно обвинившие его в «пасквиле», который они увидели в «Попрыгунье», подошли к рассказу со стандартами реализма натуралистического толка. Содержательные особенности произведений «массовой литературы» были им ближе, чем еретичность Чехова.

Щепкина-Куперник в рассказе «Одиночество» показала свою несостоятельность как художественного полемиста, лишь яснее высветив достоинства и преимущества того, на что было направлено острие ее критики. Суть художественной полемики Щепкиной-Куперник с Чеховым не столько в трактовке образов из «Попрыгуньи», «Палаты № 6» или «Скучной истории», сколько в неспособности преодолеть «дагерротипный» уровень отражения действительности, подняться до понима-

ния творческого метода Чехова, который, по словам Горького, «убивал» традиционный реализм и прокладывал новые пути для художественной литературы.

Примечания

¹ Современная литература переполнена различного рода вариациями на тему классики. Интерпретация ее сочетается с элементами художественной полемики. Если у Щепкиной-Куперник «палата № 9», то в романе Владимира Маканина «Герой нашего времени» (1997) есть глава «Палата номер раз». Подробнее см.: [Рыбальченко, 2010].

Литература

Бем А. Л. (2007) Художественная полемика с Толстым. (К пониманию «Подростка»). 1929 –1935 гг. // Вокруг Достоевского: в 2 т. Т. 1.: О Достоевском: сб. статей / под ред. А.Л. Бема. М.: Русский путь. С. 206 – 218.

Берковский Н. Я. (1969) Литература и театр. М.: Искусство. 639 с.

Егоров Б. Ф. (2019) О мастерстве литературной критики. Жанры, композиция, стиль: 2-е изд. М.: Юрайт, 231 с.

Есин А. Б. (2019) Русская литература в оценках, суждениях, спорах: хрестоматия литературно-критических текстов / сост., авт. вступ. ст. и примеч. А.Б.Есин. М.: Флинта. 344 с.

Катаев В.Б. (2017) Проблемы писательской критики // Изв. РАН. Серия литературы и языка. Т. 76, № 6. С. 36 – 40.

Кормилов С. И., Скороспелова Е. Б. (1996) Литературная критика XX века (после 1917 года). М.: МГУ. 64 с.

Кубасов А. В. (2018) Художественная рецепция И.С. Тургенева в прозе А. П. Чехова // Филол. класс. № 4 (54). С. 124 – 131. DOI: 10.26710/fk18-04-18.

Кубасов А. В. (2019) ИмPLICITная полемика А. П. Чехова с Г. Ибсенем: «Рассказ старшего садовника» // Урал. филол. вестн. Серия: Русская классика: динамика художественных систем. № 5. С. 79 – 94. DOI: 10.26170/ufv19-05-07.

Меньшиков М. О. (2005) Больная воля («Палата № 6». Рассказ А. П. Чехова) // Антон Чехов и его критик Михаил Меньшиков: переписка, дневники, воспоминания, статьи. М.: Русский путь. С. 257 – 277.

Рыбальченко Т. Л. (2010) Маканин и Чехов: приближаясь к интерпретации // Филол. класс. № 2 (24). С. 34 – 41.

Сёмкин А. Д. (2020). «Для каких таких высших целей они страдают и для чего они живут». Вновь о телеологической парадигме чеховского мира. // Изв. ЮФУ. Филол. науки. № 2. С. 43 – 50. DOI: 10.18522/1995-0640-2020-2-43-50.

Чехов А.П. Полн. собр. сочинений и писем: в 30 т. М.: Наука, 1974 – 1988.

Щепкина-Куперник Т. Л. (1894) Одиночество // Русская мысль. № 12. С. 172 – 204.

Щепкина-Куперник Т. Л. (1954) Избранное. М.: Сов. писатель. 280 с.

Щепкина-Куперник Т. Л. (1959) Из воспоминаний. М.: Всерос. театр. о-во. 463 с.

References

Bem A.L. (2007) Artistic polemic with Tolstoy. (To the understanding of the “Teenager”). 1929–1935. *Around Dostoevsky: in 2 volumes. Vol. 1: About Dostoevsky*. Moscow. P. 206-218. (In Russian).

Berkovskiy N. Ya. (1969) *Literature and theater*. Moscow. 639 p. (In Russian).

- Chekhov A.P.* (1974–1988). Complete works and letters in 30 volumes. Moscow, Science. (In Russian).
- Egorov B.F. (2019) *About the skill of literary criticism. Genres, composition, style.* Moscow. 231 p. (In Russian).
- Esin A. B. (2019) *Russian literature in assessments, judgments, disputes anthology of literary critical texts.* Moscow. 344 p. (In Russian).
- Kataev V.B. (2017) Problems of Writing Criticism. *Izvestiya RAN. Literature and Language Series*, vol. 76, no. 6, pp. 36-40. (In Russian).
- Kormilov S. I., Skorospelova E. B. (1996) *Literary criticism of the twentieth century (after 1917).* Moscow. 64 p. (In Russian).
- Kubasov A. V. (2018) Artistic reception of I.S. Turgenev in A.P. Chekhov's prose. *Philological class*, no. 4 (54), pp. 124-131.. (In Russian). DOI: 10.26710/fk18-04-18
- Kubasov A. V. (2019) Implicit polemic of A. P. Chekhov with G. Ibsen: "The story of the senior gardener". *Ural philological bulletin*, no. 5, pp. 79-94. (In Russian). DOI: 10.26170/ufv19-05-07.
- Men'shikov M. O. (2005) Sick Will ("Ward No. 6". Story by A. P. Chekhov). *Anton Chekhov and his critic Mikhail Men'shikov: correspondence, diaries, memoirs, articles.* Moscow. P. 257-277. (In Russian).
- Rybal'chenko T. L. (2010) Makanin and Chekhov: Approaching Interpretation. *Philological class*, no. 2 (24), pp. 34-41. (In Russian).
- Semkin A. D. (2020). "For what such higher goals do they suffer and for what do they live." Again about the teleological paradigm of Chekhov's world. *Izvestia SFedU. Philological sciences*, no. 2, pp. 43-50. (In Russian). DOI: 10.18522/1995-0640-2020-2-43-50.
- Shchepkina-Kupernik T. L. (1894) Loneliness. *Russian thought*, no. 12, pp. 172-204. (In Russian).
- Shchepkina-Kupernik T. L. (1954) *Selection.* Moscow. 280 p. (In Russian).
- Shchepkina-Kupernik T. L. (1959) *From memories.* Moscow. 463 p. (In Russian).

Alexander V. Kubasov (Ekaterinburg, Russian Federation)
Artistic Polemic with A.P. Chekhov in the Story by T.L. Shchepkina-Kupernik "Loneliness"

From the earliest works, Chekhov acts as a polemicist with both contemporary literature and with the literature of the immediate past. This polemic is expressed not so much in the direct statements of the writer in letters or in conversations recorded by the memory of the memoirists, but in an artistic form, with the help of an imaginative system. However, there were people who polemicized with Chekhov. On the one hand, these were magazine critics, and on the other, fellow writers. One of these authors was T.L. Shchepkina-Kupernik, who wrote the story "Loneliness" at the age of twenty, which was published in the authoritative journal "Russian Thought" in 1894. The works of Chekhov, which caused the greatest resonance among the reading public: "The Jumping Girl", "Boring Story", "Ward No. 6", became the material for the polemic of the young writer. Shchepkina-Kupernik actually agrees with the opinion of the readers who recognized the element of libel in the story "The Jumping girl", and the element of distortions of reality in others. The author of "Loneliness" creates an artistic picture of the world,

which seems to her more realistic than Chekhov's. However, the story of the young writer does not go beyond the bounds of stencil mass literature. All her claims against the author of "Ward No. 6" turn out to be untenable and demonstrate her lack of understanding of the innovative nature of Chekhov's work. The complex nature of the dialogic character of his works, based on the art of parody stylization, was not perceived by the opponent, who opposed it with a one-dimensional and simplified image of reality.

Keywords: *artistic polemic, Russian writers, Russian authoresses, literary creativity, stories, artistic picture of the world.*

Сведения об авторе / Information about the author

Кубасов Александр Васильевич, ORCID ID: 0000-0001-9074-1133 – докт. филол. наук, профессор, заведующий кафедрой теории и методики обучения лиц с ограниченными возможностями здоровья, Уральский государственный педагогический университет, г. Екатеринбург, Россия. Тел.: +7-912-636-79-44, e-mail: kudas2002@mail.ru

Alexander V. Kubasov, ORCID ID: 0000-0001-9074-1133 – Grand Ph.D. of Philology, professor, Ural State Pedagogical University; Ekaterinburg, Russia. E-mail: kudas2002@mail.ru

*Статья поступила в редакцию 26.11.2020, принята к публикации 20.01.2021.
The article was submitted 26.11.2020, accepted for publication 20.01.2021.*